вания вместо службы — в Ревеле, дабы «обнажить душу свою пред высоким монархом и ни единой черты не скрыть».

С другой стороны, после указов Павла о невыезде за границу оказалось, что его паспорт более не действителен, а дело, для которого он получил отпуск, не выполнено. Все это он пытается прикрыть рассказами об усердном изучении языков (надо заметить, что и ранее Клушин много переводил с французского), а также ссылками на разгорающуюся в Европе войну.

Вряд ли Клушин, будучи в Ревеле, этом перевалочном пункте для отъезжающих в Европу морем, не понимал, что выезд за границу ему заказан, как и всем прочим. Именно порты были перекрыты в первую очередь. Однако он просит об этом, хотя почти наверняка знает, что получит распоряжение вернуться в Петербург. Однако следует заметить, что сопряженный с этим отказ не вызвал и раздражения монарха. С 1799 года Клушин служит цензором при Российском театре; 21 декабря 1799 года указом Павла он произведен в титулярные советники.

«Всемилостивейший Государь!

Привязанность к наукам, желание усовершенствовать знания и способности, чтобы обратить их в пользу службы, были единственною побудительною причиною, что я осмелился припасть к освященному престолу почивающей в Бозе родительнице Вашего Императорского Величества со всеподданнейшим прошением о увольнении меня в Геттингенский университет для продолжения наук. Ее Величество обратила свои взоры на меня и высочайше благоволила отпустить меня сообразно с моим прошением и с получаемым тогда мною из Комиссии о дорогах в Государстве жалованьем по 300 рублей, приказав выдать их мне единовременно. Высочайшее о сем повеление последовало в октябре месяце 1793 года, в такое время, когда я издавал „Санктпетербургский Меркурий“ и продолжение которого кончилось в мае 1794 года.

Кто имеет правила честные, виды благонамеренные, сердце преданное престолу, тот должен обнажить душу свою пред высоким монархом своим и ни единой черты не скрыть. Таков я в отношении к священной особе Вашего Императорского Величества.

Осмеливаясь всеподданнейше просить родительницу Вашего Императорского Величества о увольнении меня на пять лет, имел я в виду остаться несколько времени в отечестве для выучения языков и для других нужных начальных познаний, дабы готовым быть слушать с большим успехом преподавание наук в университете. Выучил столько французский язык, чтобы разуметь авторов,